

С. С. ДЕМИДОВ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МАТЕМАТИКИ

Быстро бежит время. Еще быстрее — память о нем. Нет, не память о фактах промелькнувшей истории, не имена известных ее деятелей, а та память, которая хранит ощущение времени, его вкус и запах, позволяющая истинным участникам событий — исполнителям главных партий и статистам — безошибочно отличать через прошедшие годы истину и фальшь в рассказах о нем. Разве только дар поэта или художника способен сохранить это ощущение минувшего вчера. Сегодняшнему молодому человеку трудно понять события трагической сталинской эпохи или драматические коллизии хрущевской «оттепели», ибо судит он о них, опираясь на опыт нашего столь непохожего (хотя и тоже непростого) времени. Для него яркая примета 60-х — чтение стихов у памятника Маяковскому (атмосфера революционного действия, когда сам факт пребывания мог обернуться для присутствующего тяжкими последствиями и круто изменить дальнейшее течение его жизни!) — естественным образом трансформируется в бестолковую молодежную тусовку 90-х. Для современного молодого человека уже мало что значат слова «партсобрание», «подпись треугольника», «органы», «главлит», «стукач». Он, пожалуй, и не поймет, почему, оказавшись в сложной ситуации, ходили за советом к опытным людям, которые, выслушав, рекомендовали действовать так или эдак — без объяснения причин? А потому, что эти опытные люди ситуацию чувствовали кожей и дать рационального обоснования своему совету зачастую не могли, так как в сути события таилось иррациональное.

Жестко выстроенная конструкция. Для каждого действия существовал порядок его осуществления. И ему надо было следовать. Каждое при свидетелях произнесенное слово (а тем более написанное) могло иметь роковые последствия. Отсюда — контроль за словоупотреблением. Особого рода сдержанность. Так как сдержанность вообще на своих (при которых можно говорить многое, но не все, ибо все лучше не говорить никому) и чужих (с которыми нужно держать ухо востро). Суперсдержанность во внешних проявлениях и полная раскованность на кухне — у себя и у друзей. Чтение самиздата (600-страничный труд, совершенно слепой текст, 5-й или 6-й экземпляр, читался за одну ночь: прочти и передай другому!), слушание иностранного радио по ночам, ловя каждое слово, доносящееся через организованный грохот глушителей («забывают»). Политические анекдоты — жанр, похоже, умирающий сегодня, но столь востребованный в те годы. Каждое событие, каждое слово «руководителей партии и правительства» отзывались немедленной реакцией общества — анекдотом. И, конечно, все это в обстановке всюду проникающего сыска. Предательство и доносы. Персональные дела: кого-то «накрыли с самиздатом!» (Здесь опытный человек сразу поймет, речь идет уже о 60–70-х гг., когда и появилась такая немислимая для сталинских времен «вольность» — самиздат.)

Одна из главных отдушин этого времени — занятия наукой. Погрузившись, скажем, в мир математических теорий, вы могли жить свободно. Здесь не было ни партии, ни вездесущих органов. Вы предавались той же стихии, что и Бурбаки где-нибудь на берегах Сены. Более того, между ними и вами могла возникнуть естественная, конечно, научная связь, не преследуемая даже карательными органами. Вы, работая доцентом в некоем рядовом технологическом институте какой-нибудь шинной промышленности (в Москве или даже Урюпинске), ощущали себя гражданином мира. И заглянув в библиотеке в американский или француз-

ский журнал (этого уже в Урюпинске сделать было нельзя, но в Москве очень даже можно) и обнаружив ссылку на свою работу, опубликованную в «Докладах Академии наук», вы чувствовали то, что уже никогда не почувствует оказавшийся в сходной ситуации наш современник — пьянящее чувство свободы. (Описывая реалии тех лет, я пытаюсь передать ощущения того времени, а вовсе не дать оценку историческим событиям сорокалетней давности.)

Возможность свободного творческого труда — один из важнейших факторов, определивших успешное развитие математики в нашей стране. Он, конечно, не единственный и, может быть, даже не самый главный — не надо забывать и о великой традиции (Н. И. Лобачевский, петербургская школа П. Л. Чебышева, московская школа теории функций), и о поддержке математических исследований советским государством (они были необходимы для развития промышленности, прежде всего военной). Но фактор этот чрезвычайно существен. Советская математическая школа стала во второй половине XX в., наряду с американской и французской, ведущей математической школой мира.

В то же самое время возможность творческой работы в обстановке сравнительно слабого идеологического контроля (по сравнению с другими областями науки, скажем, биологией) способствовала развитию в этой среде свободной мысли. Неудивительно, что из среды математиков (вообще говоря, людей, как правило, не уделяющих много времени общественной деятельности) вышло немало людей, оказавшихся в конфликтных отношениях с властью. Об одном из них — Андрее Ивановиче Лапине (1922–1996), известном математике и замечательном философе — опубликованные выше материалы, доносящие до нас отзвуки того уже умолкнувшего времени.

В автобиографии, составленной в 1956 г. при поступлении на работу в Математический институт им. В. А. Стеклова АН СССР и хранящейся там в его личном деле, он так писал о себе:

Родился 14 декабря 1922 г. в семье крестьянина-батрака Лапина Ивана Андреевича в селе Б[ольшой] Вьяс. Среднее образование получил в селе Лунино Пензенской области. По окончании школы в 1937 г. работал в своем селе сельским учителем (один год)*. В 1938 г. поступил на механико-мат[ематический] ф-т в МГУ. В 1942 г. по возвращении из-под Смоленска (куда я был послан вместе с другими студентами по спецазначению) был направлен на работу на военный завод (завод N 530), в котором и проработал до 1945 г**. В 1945 г. я вновь вернулся в Университет, окончил его и поступил в аспирантуру***. В 1952 г. я защитил кандидатскую диссертацию. С 1952 г. я работаю в Всесоюзном заочном политехническом институте: сначала в должности ассистента, затем старшего преподавателя и, наконец, доцента. Родственников, находящихся за границей, не имею.

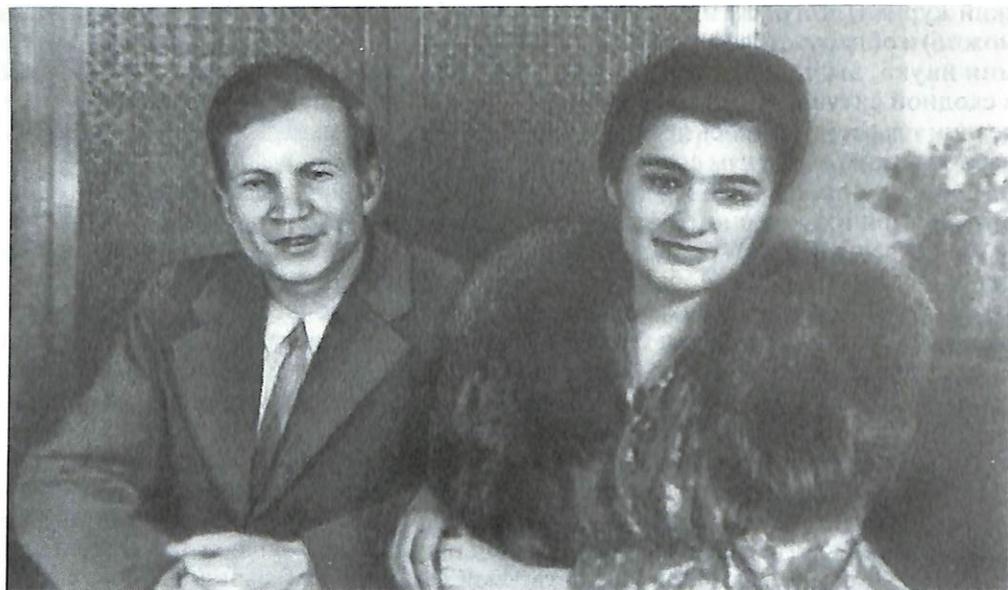
Как следует из публикуемых выше материалов, в октябре 1950 г. он был арестован по обвинению в критике теории Лысенко. Ему была предъявлена статья 58.10 — антисоветская агитация. Летом 1952 г. он был освобожден.

Дальнейшая его судьба складывалась так. С 1957 г. по 1969 г. он работал в отделе алгебры Математического института им. В. А. Стеклова, а с 1969 г. до ухода на

* Педагогом, добавим мы, он был превосходным и мог с успехом заниматься и с отстающим оболтусом-школьником, и блестяще читать лекции студентам.

** От службы в армии он был освобожден по болезни. См. помещенный ниже комментарий И. Г. Башмаковой.

*** Руководителями его были: вначале А. Н. Колмогоров, потом И. Р. Шафаревич. Об этом см. комментарий И. Р. Шафаревича.

А. И. Латин и И. Г. Башмакова

пенсию в 1982 г. — доцентом Московского института инженеров транспорта. Умер Андрей Иванович 22 июня 1996 г.

Если бы вы встретили Андрея Ивановича на улице, то вряд ли обратили бы на него внимание — из серой будничной толпы Москвы 60-х гг. он ничем не выделялся. Неважно и даже неряшливо одетый (на свой костюм он никогда не обращал внимания, разумеется, его не чистил и не гладил, его ботинки не знали сапожной щетки), неухоженный (я никогда не видел его чисто выбритым), ушедший в свои мысли, этот невысокий невзрачный человек торопливо двигался в толпе, не обращая никакого внимания на окружающее. По его виду нельзя было даже приблизительно угадать род его занятий. Скорее всего, вы приняли бы его за работягу.

Но ваше впечатление сразу изменилось бы, если вы с ним заговорили. Обратившись к вам, осветились бы его до того потухшие глаза — он думал о чем-то своем. Его взгляд — это главная его внешняя характеристика — немедленно выдавал острый ироничный ум. Если вам удавалось его задеть или же он сам хотел выговориться, перед вами немедленно открывались глубина его мысли, неожиданность ее поворотов, широта интересов и многообразность знаний. Если при этом он оказывался в хорошем расположении духа, то он мог преподнести вам образчики совершенно своеобразного юмора, подчас переходившего в сарказм.

По роду своих основных занятий, как уже говорилось выше, он был математиком, автором замечательных результатов в алгебраической теории чисел и алгебраической геометрии (см. [1–8]). Большая математика, как поэзия или музыка, требует особого вдохновения. Оно может присутствовать в человеке, но может его и оставлять. Всегда оставаясь профессионалом высокого уровня (это его качество проявлялось в педагогической деятельности, а педагогом, как мы уже упоминали, он был прирожденным), он творческие занятия математикой чередовал с интенсивной философской деятельностью. После ухода из стекловского института научную работу в области математики он оставил вовсе, сосредоточившись на лю-

бимых философских темах. Будучи свободной деятельностью свободного человека, его философское творчество по необходимости оказывалось полуподпольным. Сказанное и написанное им оставалось в узком кругу близких к нему лиц. Выходом в мир мог для него стать только самиздат. Но для него, прошедшего через изнурительные допросы в МГБ, тюрьмы и спецбольницы, такой путь стал неприемлемым. По природе он не был борцом с режимом, но всегда оставался свободным человеком. Круг его знакомых это математики — прежде всего, конечно, из Института Стеклова, а также из университета, ученые-естественники других специальностей — физики, биологи, медики. Ни одного профессионального философа там не было.

Он был удивительно тонким мыслителем, раскрывавшимся в многочисленных беседах, в бесчисленных текстах, написанных фиолетовыми чернилами старой школьной ручкой на самых разных листах бумаги. Во времена позднего Брежнева один из них был тайно послан в Париж и опубликован под псевдонимом «А. Филиппов» [9]. Во времена перестройки на свет появилось несколько таких текстов (см. [10–13]).

Но выбор их был совершенно случайным — появлялась возможность опубликовать небольшую заметку (страниц на 10–15), и кто-либо из близких Андрея Ивановича или его учеников брал на себя нелегкий труд довести один из текстов, который буквально надо было вырывать у него, до требуемой издательскими правилами кондиции. Сам он такую рутинную работу органически не выносил и заниматься ею просто не мог. Составить представление о его творчестве по этим опубликованным, случайно вырванным из его запасов текстам совершенно невозможно.

Большинство его работ, при этом наиболее важных, хранится в домашнем архиве и для своей публикации требует чрезвычайно больших усилий, ибо написаны они от руки с многочисленными сокращениями, с неизвестно откуда взятыми цитатами (указан лишь автор, и нет никакой гарантии, что цитируется он не по памяти), листы не всегда пронумерованы, а иногда и перепутаны. Курс лекций, который я почти целиком прослушал в его исполнении у него дома в 60-е гг., — анализ развития марксистской мысли, эволюция которой трактовалась им как рост раковой опухоли. Среди тем, которые он хорошо знал и охотно использовал в своих построениях, были: этнография, фольклор, история, биология и медицина, психология и психиатрия, физика (прежде всего — квантовая механика), история философской мысли (Платон, Аристотель, утописты, марксисты; трудно найти человека, лучше его знавшего Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина), история Коммунистической партии Советского Союза.

Свои сочинения он читал в комнате, заваленной книгами по самым разным отраслям знания, окруженный слушателями, расположившимися где кто, с неизменным «Беломором», который он успевал курить. Текст он читал мастерски, поминутно комментируя его, оснащая шутками и стихотворными вставками, зачастую из Р. Киплинга, которого очень любил. Кого только не было на этих чтениях, заканчивавшихся за полночь, — слушателям еще нужно было успеть добраться домой городским транспортом.

Влияние его творчества на определенный круг московской интеллигенции огромен. Многие из его идей вошли в работы других авторов, многие оказали на них стимулирующее воздействие.

Можно, конечно, видеть в жизни и творчестве А. И. Лапина трагедию творческой личности, раскрыться которой не дали страшные реалии социальной жизни XX в. Но можно посмотреть на это и с другой стороны — как на победу над этими реалиями свободного человеческого духа. Спрятанный в недрах московского ма-

тематического мира, в самом его эпицентре, жил человек-мыслитель, свободно думающая развивающаяся личность, своим словом, своей идеей влияющая на окружающее его сообщество, — сообщество людей в высшей степени нетривиальных — математиков, историков науки, ученых-естественников, среди которых были и крупнейшие ученые XX века. Благодаря таким «спрятанным от глаз» людям России удалось пережить самые тяжелые годы своей истории.

Замечательная находка, сделанная в архиве Ю. И. Кривоноговым, позволяет увидеть некоторые события жизни великой научной школы в особом ракурсе. Оценить силу сопротивления гнету тяжелых социальных условий, которое не только позволяло человеку физически выживать, но оставаться свободным в мире высокого творчества.

Список трудов А. И. Лапина

1. *Лапин А. И.* Теория символа Шафаревича // Известия АН СССР. Серия матем. 1953. Т. 17. С. 31–50; 1956. Т. 20. С. 583–584.
2. *Лапин А. И.* К теории символа Шафаревича // Известия АН СССР. Серия матем. 1954. Т. 18. С. 145–158.
3. *Лапин А. И.* Общий закон взаимности и новое обоснование теории полей классов // Известия АН СССР. Серия матем. 1954. Т. 18. С. 335–378.
4. *Лапин А. И.* О модулярных функциях степени два // Известия АН СССР. Серия матем. 1956. Т. 20. С. 325–336.
5. *Лапин А. И.* О подполях гиперэллиптических полей // Известия АН СССР. Серия матем. 1964. Т. 28. № 5. С. 935–988.
6. *Лапин А. И.* О рациональных точках эллиптической кривой // Известия АН СССР. Серия матем. 1965. Т. 29. № 3. С. 701–716.
7. *Лапин А. И.* О рациональных точках гиперэллиптической кривой // Тезисы кратких научных сообщений Международного конгресса математиков. Секция 10. Москва. 1966. С. 13.
8. *Лапин А. И.* О целых точках на кривых рода p // Известия АН СССР. Серия матем. 1971. Т. 35. № 4. С. 754–761.
9. *Филиппов А.* Наследник человека // Вестник Русского христианского движения. Париж. 1978. № 125.
10. *Башмакова И. Г., Лапин А. И.* Пифагор // Квант. 1986. № 1. С. 7–12.
11. *Лапин А. И.* Наследник человека // Наш современник. 1990. № 7. С. 112–116.
12. *Лапин А. И.* Наука и природа // Наш современник. 1991. № 8. С. 135–142.
13. *Лапин А. И.* Крестьянская религия // Национальная демократия. 1995. № 1. С. 31–43.